

В. С. Сидорец (Беларусь, Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина)

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
СТАНДАРТНЫХ И НЕСТАНДАРТНЫХ СЕГМЕНТОВ
С КЛАССИФИКАТОРОМ ЧУВСТВО В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ
Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»**

В научной литературе лексика получила разноаспектное освещение, в том числе с позиции функционально-семантической значимости при употреблении в тексте. Своеобразным итогом этих последних изысканий является представленное в работе В. М. Всеволодовой деление лексики на слова-реляторы, слова-экспликаторы и слова-классификаторы. Слова-реляторы называют «отношение между участниками ситуации» [1, с. 40]: *висеть* (пальто *висит* в шкафу), *купить* (Пётр *купил* книгу), *цель* (*цель* Марины – диссертация). Слова-экспликаторы называют «отношение между субъектом и его признаком» [там же]: *заниматься* (он *занимается* ремонтом), *совершать* (он *совершил* ошибку), *цвет* (куртка *синего цвета*). Слова-классификаторы – «это существительные, определяющие категориальный класс явлений действительности» [1, с. 46]: *чувство* радости, *состояние* болезни, *свойство* сохранять форму и др.

Среди функционально-семантических групп слов наиболее объемны по значению существительные-классификаторы. Эти слова широко употребляются в художественном тексте. Обратим внимание на

классификатор *чувство* в составе стандартных и нестандартных сегментов, эффективно используемый Л. Н. Толстым в романе «Война и мир».

К числу стандартных сегментов мы относим вербоиды (*давать аудиенцию, испытывать любовь*) и их комплексы (*испытывать отчаяние, злобу и месть* = испытывать отчаяние, испытывать злобу, испытывать месть), к числу нестандартных – все остальные отрезки текста.

По мнению М. В. Всеволодовой, «слово “выбирает” свой контекст и своих **контекстпартнеров**, в связке с которыми оно передает необходимый говорящему смысл, или иначе, сочетаемость слова определяется его ЛСВ, концептуальной значимостью, частеречной принадлежностью и способностью нести те или иные субъективные смыслы» [1, с. 26]. В связи с этим понятно, что классификатор *чувство*, обладающий сложной и емкой содержательной структурой [2, с. 689], значительно расширяет потенциальные возможности вербоидов и их комплексов, оказывая влияние на различные по объёму отрезки художественного текста.

Обратим внимание на вербоиды, включающие в свой состав отмеченный классификатор: 1) «Он закрыл глаза, но в то же мгновение в ушах его затрещала канонада, пальба, стук колес экипажа, и вот опять спускаются с горы растянутые ниткой мушкетеры, и французы стреляют, и он чувствует, как содрогается его сердце, и он выезжает вперёд рядом с Шмитом, и пули весело свистят вокруг него, и он **испытывает то чувство** удесятерённой радости жизни, **какого он не испытывал с самого детства**» [3, с. 199]; 2) «Он ужаснулся своему сомнению и, стараясь **вызвать** в себе **прежнее чувство** умиления, повергся к вратам храма» [4, с. 87]; 3) «Устроился в большом доме в верхних покоях и **испытываю** **счастливое чувство** обновления» [4, с. 185]; 4) «И конвойные, как бы боясь в том горестном положении, в котором они сами находились, не **отдаться** бывшему в них **чувству жалости** к пленным и тем ухудшить свое положение, особенно мрачно и строго обращались с ними» [6, с. 163]; 5) «Кроме общего отчуждения от всех людей, Наташа в это время **испытывала** **особенное чувство отчуждения** от лиц своей семьи» [6, с. 186].

В каждом из примеров фигурируют контекстпартнеры классификаторов – непосредственно или опосредствованно связанные с ними прилагательные, которые представляют интенсифицированный эмоционально-экспрессивный признак. В качестве интенсификатора-распространителя категориально-концептуальной семантики классификатора в первом примере используется также синтаксическая конструкция-повтор, включающая в свой состав акцентирующий компонент: *какого не испытывал*. Кроме того, в первом примере заключающая смысл часть, в которую входит вербоидная структура и грамматически зависимая от нее конструкция, является своеобразным

итогом предшествующей части, характеризующейся объемным реальным содержанием и повышенной коннотацией. Это свидетельствует о том, что вербоидная структура *испытывать чувство обновления* – естественный и необходимый компонент в данном текстовом сегменте.

По существу то же можно сказать и о других вербоидах, приведенных выше. Так, теоретическая возможность, но практическая абсурдность трансформаций этих дескрипций, особенно в однословные компоненты (*вызвать чувство умиления – почувствовать умиление – умилиться; испытывать чувство обновления – чувствовать обновление – «обновляться»; не отдаться чувству жалости – не почувствовать жалость – не пожалеть; испытывать чувство отчуждения – чувствовать отчуждение – «отчуждаться»*) наглядно подтверждается контекстом, его стилистическими рамками и литературной нормой. Так, например, коммуникативно допустимые, находящиеся на одной стилистической линии с вербоидом *не отдаться чувству жалости* синонимические коммуникативные эквиваленты *не почувствовать жалости* и *не пожалеть* не воспринимаются текстом: препятствие на пути включения их в текст создает словосочетание *бывшему в них*, подчеркивающее, выделяющее семантику классификатора *чувство*.

Комплексы вербоидов, включающие классификаторы, характеризуются более сложным структурно-смысловым рисунком: 1) «Он не мог отказаться от места или, скорее, звания (потому что он ничего не делал), которое доставил ему князь Василий, а знакомств, зовов и общественных занятий было столько, что Пьер еще больше, чем в Москве, **испытывал чувство туманности, торопливости** и все наступающего, но не совершающегося какого-то блага» [3, с. 257]; 2) «Но он всей душой желал верить, и верил, и **испытывал радостное чувство успокоения, обновления и возвращения к жизни**» [4, с. 75]; 3) «Пьера охватило **чувство ужаса и гадливости, подобное тому, которое он испытывал при прикосновении к какому-нибудь маленькому животному**» [5, с. 408]; 4) «Кто из русских людей, читая описания последнего периода кампании 1812 года, не **испытывал тяжелого чувства досады, неудовлетворенности и неясности**» [6, с. 177]; 5) «При упоминании о княжне Марье Ростов **испытывал непонятное для него самого чувство застенчивости, даже страха**» [6, с. 24];

Весьма удачно передается психическое состояние Пьера в первом предложении, особенно той его частью, которую представляет комплекс вербоидов «*испытывал чувство туманности, торопливости, ... блага*». Семантическое разнообразие этой конструкции, выражаемое всеми ее компонентами, а также цельность, монолитность структуры создают своеобразный смысловой «фокус», направленный на сознание читателя и вызывающий у него ответную мощную эмоционально-экспрессивную реакцию. Понятно, что попытки определенным образом трансформировать

эту конструкцию безуспешны, так как они разрушают авторский художественный замысел.

Не могут быть заменены однословными коммуникативными эквивалентами – глаголами – структурные части комплекса вербоидов *испытывал радостное чувство успокоения, обновления и возвращения (успокоился, обновился, возвратился)*. Этому не способствует особый, книжный характер именных компонентов *успокоение, обновление, возвращение*, элементы семантической градации этих компонентов, прилагательное *радостный* перед классификатором *чувство*.

Не подвержено трансформации предложение в третьем примере. Во-первых, центр вербоидного комплекса – классификатор *чувство* – закреплен структурно и семантически адъективным словосочетанием *подобное тому*, получающем логическое продолжение придаточной частью, в составе которой функциональный и смысловой дубликат отмеченного комплекса *которое испытывал*. Во-вторых, отсутствует однословный коммуникативный эквивалент вербоидной конструкции *охватило чувство гадливости*, который мог бы быть структурно-семантической параллелью к глаголу *ужаснуло*, коммуникативному эквиваленту вербоидной конструкции *охватило чувство ужаса*.

В четвертом примере, кроме семантически нарастающей градации именных компонентов вербоидов, наличия прилагательного *тяжелый*, препятствующего структурным изменениям всей конструкции, сохранению ее монолитности способствует отсутствие односложного коммуникативного эквивалента к вербоидной конструкции *испытывать чувство неясности* («неяснуться»). Не изменяет ситуации существование в языке однословных коммуникативных эквивалентов *досадовать, удовлетворяться*, которые по стилистическим и дистрибутивным свойствам остаются за пределами данного комплекса.

В пятом примере деривационный комплекс «*испытывал непонятное для него самого чувство застенчивости, даже страха*» цементируется адъективным словосочетанием *непонятное для него самого*.

В одном из отрывков 27-го раздела третьей части III-го тома раскрывается характер концепта *чувство* с позиции Пьера Безухова, обдумывающего план покушения на Наполеона. Весьма красноречиво начало отрывка: «*Два одинаково сильные чувства* [выделено мною. – В. С.] неотразимо привлекали Пьера к его намерению. Первое было *чувство* потребности жертвы и страдания при сознании общего несчастья, то *чувство*, вследствие которого он 25-го поехал в Можайск и заехал в самый пыл сражения... другое – было то неопределенное, исключительно русское *чувство* презрения ко всему условному, искусственному, человеческому, ко всему тому, что считается большинством людей высшим благом мира» [5, с. 372]. Л. Н. Толстой с точки зрения своего художественного замысла основательно

конкретизирует второе чувство следующей далее частью отрывка, в которой, наряду с другими речевыми средствами, активную роль играет вербойд *испытать чувство*: «*В первый раз Пьер **испытал** это странное и обаятельное **чувство** в Слободском дворце...*»; «*С самого того дня, как Пьер в первый раз **испытал** это **чувство** в Слободском дворце, он непрестанно находился под его влиянием, но только теперь нашел ему полное удовлетворение*» [5, с. 372].

Как видим, классификатор *чувство*, реализуя свой концептуальный характер, выбирает контекстпартнеров и «задает тон» в формировании содержания различных по протяженности речевых сегментов.

Литература

1. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 504 с.
2. Словарь русского языка: в 4 т. / редкол.: А. П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – М.: Русский язык, 1984. – Т. 4. – 794 с.
3. Толстой, Л. Н. Война и мир. Роман в 4-х томах. Т. 1 / Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 22-х томах. – М.: Худ. лит., 1979. – Т. 4.
4. Толстой, Л. Н. Война и мир. Роман в 4-х томах. Т. 2 / Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 22-х томах. – М.: Худ. лит., 1980. – Т. 5.
5. Толстой, Л. Н. Война и мир. Роман в 4-х томах. Т. 3 / Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 22-х томах. – М.: Худ. лит., 1980. – Т. 6.
6. Толстой, Л. Н. Война и мир. Роман в 4-х томах. Т. 4 / Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 22-х томах. – М.: Худ. лит., 1981. – Т. 7.